

УДК 94(571.1)
ББК 63.3(253.3)

Административно-силовые методы причисления старообрядцев к единоверию в Томской губернии

В.Н. Ильин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Administrative Coercive Methods to Convert the Old Believers into the Community of Religion in the Tomsk Province

V.N. Ilyin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Используя архивные источники, автор рассматривает актуальную проблему условий распространения единоверия и, соответственно, условий перехода в него староверов. Единоверческая церковь была одним из распространенных способов борьбы государственной власти и официальной православной церкви с «развивающимся расколом». В XIX в. на территории Томской губернии удалось создать 13 единоверческих церквей. Однако зачисление старообрядцев в единоверческую церковь часто происходило насильственным. Также насильственным было и удержание в ней. Активное использование административно-полицейского аппарата позволяло местным чиновникам и служителям синодальной церкви быстро сформировать единоверческий приход, добиться служебного признания, почетных наград и государственной денежной премии. Единоверческая церковь должна была существовать в чуждой для нее системе казенного православия с ее «противораскольнической» парадигмой. Единоверцы были ограничены в своих правах. Они тяготились своим двойственным статусом: и не никониане, и не старообрядцы. Соответственно, единоверие, вопреки ожиданиям властей, не получило большого распространения. На безусловных правах в единоверие вступила лишь незначительная часть старообрядцев.

Ключевые слова: старообрядчество, единоверие, церковь, Томская губерния, церковный раскол, государство.

DOI 10.14258/izvasu(2017)5-08

В последние годы внимание к старообрядчеству как религиозному и социальному феномену со стороны отечественных исследователей заметно усилилось. При этом большее внимание привлекает феномен единоверия как искусственного религиозного явления, попытки религиозно-поли-

Using archival sources, the author examines the urgent problem of the spread of common belief and, accordingly, the transition conditions of the Old Believers in it. Common Faith Church was one of the most common methods of struggle of the government and the official Orthodox Church with "developing a split." In the 19th century the Tomsk province was able to create 13 Churches of Common Faith. However, the conversion of the Old Believers in the Church of Common Faith as well as keeping people there often wore a voluntative character. Active use of administrative and police apparatus allowed local officials and clergy of the Synod of the Church to quickly form the Parish of Common Faith, to achieve official recognition, honors and state cash prize. Common Faith Church was supposed to exist in the alien to it official Orthodoxy system with its anti-split paradigm. The Common Believers were severely restricted in their rights. They resented their dual status: they were neither nikonians, nor Old Believers. Accordingly, the Common Faith did not receive the expected wide-scaled spread. On unconditional rights only a small part of the Old Believers accepted the Common Faith.

Key words: Old Believers, Common Faith, church, Tomsk province, the church split, the state.

тического «компромисса». Единоверие в XIX в. стало заметным явлением в истории как старообрядчества, так и никонианства. Наибольшее значение данный религиозный феномен имел в регионах сосредоточения староверов, в том числе и Томской губернии. Важной исследовательской задачей в дан-

ном случае выступает вопрос об условиях распространения единоверия и, соответственно, условиях перехода в него староверов. Попытка комплексного освещения истории единоверия принадлежит М. Симеоновскому. Благодаря исследовательской деятельности главного редактора журнала «Братское слово» Н.И. Субботина с 1880 г. активно изучается региональная специфика единоверия. Томский вариант единоверия представлен в известном труде протоиерея Д.Н. Беликова [1, с. 3–247]. В советский период вопрос томского единоверия рассматривался академиком Н.Н. Покровским. Среди современных исследователей стоит выделить К.Ю. Иванова [2, с. 107]. Антистарообрядческая политика томских губернских и епархиальных властей не являлась отдельным и изолированным явлением. Это в первую очередь проявление внутривластного курса российского имперского правительства, поэтому государственная антистарообрядческая политика представлена в системе «государственный аппарат управления (Синод)» — «имперский режим». Именно на этом, более высоком системном уровне была определена и обозначена государственная доктрина «борьбы с расколом», одним из методов которой и явился искусственный вариант церкви — единоверие. Свое практическое проявление она нашла уже на низших уровнях системы: «Томское губернское правление (Томская духовная консистория)». Для истории, как и любой другой науки, важно объяснение. Методологической основой выступил принцип детерминизма. Данный принцип обращает внимание на обусловленность исторических явлений и процессов. Раскрытие причинно-следственной связи явлений позволяет исследователю не только описать, но и объяснить данное явление.

Одним из распространенных способов борьбы государственной власти и официальной православной церкви с «развивающимся расколом» в России стала так называемая единоверческая церковь. Согласно утвержденному в 1800 г. московским митрополитом Платоном положению единоверческая церковь должна была стать промежуточной ступенью для перехода православных верующих из старообрядчества в никонианство. Все церковные службы в ней совершались по старым, дониконовским обрядам, однако в иерархическом отношении единоверческая церковь подчинялась новообрядческим архиереям.

В XIX в. на территории Томской губернии удалось создать 13 единоверческих церквей: в Томске, в с. Устьянцевском Каинского округа, Межугорный храм Кузнецкого округа, четыре в Барнаульском округе (с. Шипицино, Дмитретитово, Суельга, Батуровское) и шесть в Бийском (с. Алтайское, Секисовское, Шемонаиха, Шипуновское, Орловское и д. Сибирячиха) [1, с. 194; 3, л. 7; 4, с. 1–30]. Единоверческие церкви создавались в местах наибольшей концентрации старообрядцев. Первый

единоверческий храм был освящен в 1837 г. в селе Секисовском. От него и берет свое начало единоверие в Томской губернии.

Некоторые единоверческие храмы были организованы на основе старообрядческих часовень (Секисовский храм, Устьянцевская и Шипицинская церкви).

По официальным данным, общая численность единоверцев в 1837 г. составляла 12496 чел., 1850 г. — 19068, 1866 г. — 35679, 1899 г. — 26635 чел. [1, с. 194; 3, л. 7; 5, с. 1110; 6, с. 12]. В 1887 г., по официальным данным, единоверцев насчитывалось 20000 чел., старообрядцев — не менее 80000 чел., более чем на 1000000 общей численности населения Томской губернии [7, с. 9]. Таким образом, наглядно видно, что число единоверцев было значительным. Однако многие из них по сути своей оставались старообрядцами. Так, в приходе Алтайской единоверческой церкви (с. Алтайское, Каменка, Сетовка, Туэрак, Булатово, Демино, Карпово и Солонька) в 1885 г. причисленных к единоверию числилось 1996 чел., однако значительное большинство из них «отпирались», т.е. отказывались от посещения единоверческой церкви, считая себя старообрядцами, а не единоверцами [8, с. 74]. Причиной этого, по утверждению священника единоверческой церкви с. Алтайского М. Кондаурова, было то, что присоединение верующих к единоверческой церкви совершалось не столько по внутреннему влечению, сколько по внешним побуждениям. «Большинство виденных мною единоверцев, — считал он, — и по настоящее время по своим религиозным убеждениям скорее могут быть названы раскольниками, чем сынами православной церкви (единоверцы признают православных — еретиками; троеперстие по их понятиям — «табачная щепоть»)» [9, с. 4]. Спустя десять лет в официальной записке о «состоянии томского раскола» М. Кондауров писал о том же: «Почти половина моих прихожан в самой сильной степени наклонна к расколу, и в той половине до 400 человек не хотят иметь с церковью решительно никаких сношений» [10, с. 35]. В 1889 г. томские епархиальные власти констатировали: «Несмотря на свое обещание быть в послушании у православной церкви большинство единоверцев считают православную церковь — еретической» [11, с. 18]. Таким образом, реально число единоверцев было значительно ниже указанных данных. Огромный процент принявших единоверие по-прежнему придерживался старообрядческих устоев православия, воспринимая единоверие в целом, как «опаснейшую ловушку» или как «крайнюю гибель». Поэтому вслед за формальным присоединением к единоверию отмечен длинный ряд случаев отпадения от него. «Единоверие было принято наружно, — замечал Д.Н. Беликов, — в сущности оно было прикрытым расколом. Но очень часто принявшие единоверие не хотели следовать ему даже наружно».

В качестве доказательства собственного утверждения исследователь приводит следующий пример: «Еще не освящена была церковь в с. Секисовке, как многие из изъявивших согласие на причисление к ней в качестве ее прихожан открыто объявили, что в церковь ходить не будут, что в своей решимости на присоединение раскаиваются» [1, с. 200]. Действительно, после освящения секисовского храма отпавших от единоверия начитывалось до 4000 человек [12, с. 127]. В конце 1847 г. в старообрядчество из числа единоверцев-прихожан Сибирячихинского прихода в селе Шемонаихе вернулось 386 чел., в д. Выдрихе — 218; в 1852 г. в д. Поперечная — 222, Старо-Алейская — 220, Екатерининская — 160 чел.; в 1860 г. в д. Выдрихе — 500, д. Топольная — 200 чел. [1, с. 203.]. В 1869 г. «уклонившийся из единоверия в старообрядчество» крестьянин д. Вавилонка Бийского округа Григорий Подкорытов на увещания церковнослужителя шемонаевской единоверческой Преображенской церкви Иоанна ответил, что «он не первый так делает, а есть много таких примеров» [13, л. 1–1об.].

Переход старообрядцев в подведомственную официально православию единоверческую церковь, таким образом, часто был формальным. Данный факт естественным образом способствовал обратному переходу принявших единоверие в старообрядчество. Основной причиной «уклонения» старообрядцев от единоверия служили административно-силовые методы причисления старообрядцев к единоверию. По замыслу центральных и епархиальных властей, основополагающими принципами формирования единоверческих приходов должны были быть методы духовно-нравственного воздействия, основанные на силе убеждения. Однако светские периодические издания той эпохи дают совсем другую, чем епархиальная печать, трактовку смысла данных событий. «В Западной Сибири с издавна практикуются административные меры обращения раскольников в единоверие, — замечал автор статьи. ... Меры эти были в прежнее время довольно грубы и непоследовательны. Вместо увещания на раскольников просто открывали гонения, били их, садили в острог и т.д. Исправник Квятковский, к примеру, в 1857 г. записал бийских раскольников в единоверие против их желания под угрозами» [14, с. 1235–1236]. Об этом же свидетельствует и выписка из журнала заседания консистории 1866–1867 гг., извлеченная нами из Государственного архива Томской области: благочинному единоверческих церквей Петру Доброхотову поступила бумага от более пятидесяти прихожан Иоанно-Златоустовской единоверческой церкви с. Алтайского. В ней говорилось: «После рождения Христова прадеды и отцы наши исповедывали веру старообрядческую, так ровно и мы по благословению их исповедывали ту же самую веру, но по распоряжению высшего начальства в 1857 г. бийский земский исправник Квятковский принудили нас при-

соединиться к единоверию, а в случае несогласия нашего, то угрожали нас заключением в острог и некоторые из нас уже шесть человек содержались в остроге до двух недель, угрожали, что сошлют на поселение, боясь этих угроз, мы вынуждены были присоединиться в единоверие, дабы нам не лишиться своей домашности и не быть несостоятельными в платежу податей» [15, л. 2].

Из представленных выше документов видно, что обращение старообрядцев в единоверие происходило насильственным образом, под давлением со стороны местных чиновников. Об этом же писал в своем дневнике путешественник по Алтаю известный исследователь — народник С.Л. Чудновский: «Громадное большинство населения села Алтайского числится единоверцами, которые опять-таки «приписаны» были к единоверию, как почти повсеместно на Алтае, силою, против их воли». Сами крестьяне вспоминали о том, каким образом они стали единоверцами: «Стали собирать, мотать и требовать подписок, угрожая в противном случае тюрьмой». Далее С.Л. Чудновский писал о них: «Весьма немногие устояли против «мотания», почти все вынуждены были согласиться на «подписки». Человек семь отправлены были, за упорство, для назидания в Бийский острог, где их протомили с месяц: это было в 1857 году. Из этих семи человек я застал еще в живых Лариона, Тимофея и Козакова. В следующем же 1858 году, в селе поставили церковь» [8, с. 71].

Однако Д.Н. Беликов данные события излагает иначе. В начале 1857 г. земский управитель Абрамов, имевший свое постоянное пребывание в с. Енисейском Бийского округа, подал в Алтайское горное правление рапорт такого содержания: «Со времени вступления в должность управителя Енисейским отделением, я обращал постоянное внимание на алтайских раскольников и преимущественно на тех, которые, по видимому, были наставниками секты и держали в заблуждениях тысячи людей» [1, с. 191–192]. По версии исследователя томского старообрядчества он это делал для того, чтобы, «по возможности, изучив раскол, его верования и воззрения, доказать раскольникам неправоту их убеждений». В свои частые поездки в селения Енисейского отделения чиновник беседовал со старообрядцами, стараясь присоединить их к церкви на правилах единоверия. Далее Д.Н. Беликов пишет: «Раскольники с. Алтайского и др[угих] деревень поняли, что без св. церкви и без священства они обойтись никак не могут, и потому в январе сего 1857 г. заявили, что присоединиться к единоверию согласны. Вскоре свое согласие они утвердили подписками, поданными Бийскому земскому исправнику Квятковскому, который направил их, куда следует. Дали подписки 254 семьи в количестве 1664 душ» [1, с. 191–192].

Абрамову помогали в деле обращения к единоверию урядник Чахлов, голова Алтайской волости

Софрон Казанцев, Квятковский с местным чиновником Бойко. «Они довели расколоучителей и сильнейших по влиянию своему раскольников до того, что те совершенно убедились в противозаконности своих действий и, искренно сознавши свое заблуждение, изъявили вместе со своими дьяками душевное желание присоединиться к церкви. Обрадованный вестию об изложенном, томский епископ Парфений немедленно сделал распоряжение о присоединении к церкви новообращенных чрез ближайших единоверческих священников под руководством единоверческого благочинного Алексея Шаврова. Священнодействие присоединения состоялось 5 апреля в обширной часовне с. Алтайского и при огромном стечении народа, вышло очень торжественным. Новообращенные приписались к приходам Дмитрие-Титовскому и Шипуновскому, но при этом выражали желание, чтобы у них был свой особый храм. Абрамов не захотел удовольствоваться успехом, которого достиг. Объехав вновь приалтайские селения и деревни, он склонил к принятию единоверия еще 275 семей, в которых насчитывалось 1837 душ. Вызванный по-прежнему для совершения обряда присоединения благочинный Шавров со своей стороны приложил труд убеждения и увещания к раскольникам, доселе упорствовавшим в своих заблуждениях. При содействии заседателя Бойко, Шавров обратил к единоверию 593 души и 15 душ к православию. Теперь присоединенных было уже настолько много, что построили храм в с. Алтайском. На всеподданнейшем докладе о массовом обращении к единоверию бийских старообрядцев Государь собственноручно написал: «Слава Богу!» и повелел сопричислить благочинного Алексея Шаврова к ордену св. Анны 2 степени. Абрамов был награжден тем же орденом 3 степени и его помощник по описанной деятельности, урядник Чахлов, серебряной медалью с надписью «За усердие» [1, с. 191–192].

Утверждение Д.Н. Беликова, протоиерея казенной церкви, исследователя и противника старообрядчества, о том, что «расколоучители и сильнейшие по своему влиянию раскольники» под воздействием «бесед, убеждений и увещаний» пяти чиновников и единоверческого благочинного «искренне осознали свое заблуждение и изъявили душевное желание» присоединиться к синодальной церкви, не выдерживает критики. На административно-силовые методы

обращения старообрядцев в единоверие против их воли указывают официальные групповые и индивидуальные заявления самих старообрядцев. О жестоким обращении чиновника Квятковского со старообрядцами при зачислении их в единоверие писало даже центральное периодическое издание «Неделя». О формировании нового единоверческого прихода в с. Алтайское посредством административно-полицейского аппарата сообщал также независимый исследователь С.Л. Чудновский. В конечном счете, сам Д.Н. Беликов, указывая на самоуправство некоторых представителей синодального духовенства в отношении старообрядцев, упомянул, что одно только имя благочинного единоверческих церковей Шаврова наводило страх не только на старообрядцев, но и на единоверцев [1, с. 101]. Случаи зачисления старообрядцев в единоверие административно-силовыми мерами имели место и после того, как алтайский единоверческий приход был сформирован. Об этом писал С.Л. Чудновский: «В 1850-х годах поморцев Алтайской волости сильно мотали разные управители и всякия иные власти, заставляя их приписываться к единоверческой или к православной церкви, но те шибко стояли, вследствие чего Ивана Егорова Каменьщикова, человека гласного, ответного, хорошо знавшего «св. Отец и Писание», и умевшего давать на все соответствующие ответы — убрали в Бийск и засадили там в тюрьму, где он в скором времени и умер; это происходило в 1859 году» [8, с. 66]. Сами старообрядцы уверяли: «Мы не хотим единоверия. Мы старообрядцы! Отцов наших «приписали» против их воли, но те и не думали перестать быть старообрядцами» [8, с. 66].

Активное использование административно-полицейского аппарата позволяло местным чиновникам и служащим синодальной церкви быстро сформировать единоверческий приход, добиться служебного признания, почетных наград и государственной денежной премии.

Единоверие не получило ожидаемого распространения [16, с. 107–110]. На безусловных правах в единоверие вступила лишь незначительная часть старообрядцев. Зачисление старообрядцев в единоверческую церковь происходило насильственно. Также насильственным было и удержание в ней. Единоверие, таким образом, явилось составным элементом антистарообрядческой политико-правовой парадигмы Российской империи.

Библиографический список

1. Беликов Д.Н. Томский раскол // Известия Императорского Томского университета. — Т. 18. — Томск, 1901.
2. Иванов К.Ю. Единоверие как способ борьбы со старообрядцами (на примере Томской епархии) // Культурное наследие Азиатской России. — Тобольск, 1997.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 234. — Оп. 1. — Д. 22.
4. Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. — СПб., 1868.

5. Из истории раскола в Томской губернии // Исторический вестник. — СПб., 1901.
6. Томские епархиальные ведомости. — 1884. — №21–22.
7. Отчет Братства Святителя Димитрия митрополита Ростовского в г. Бийске за 1887/8 гг., четвертый отчетный год // Томские епархиальные ведомости. — 1889. — №3.
8. Чудновский С.Л. Раскольники на Алтае (выдержки из дневника) // Северный вестник. — 1890. — №9.
9. Юновидов В. Краткий очерк состояния раскола и единоверия в Алтайской, Ануйской, Алейской, Шиманаевской, Владимирской волостях Бийского округа // Томские епархиальные ведомости. — 1887. — №1.
10. Раскол в томской епархии в 1895-6 гг. // Томские епархиальные ведомости. — 1897. — №17.
11. Записка, читанная Бийским отделением Братства св. Димитрия // Томские епархиальные ведомости. — 1889. — №22.
12. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 51. — Д. 148.
13. ГАТО. — Ф. 170. — Оп. 2. — Д. 319.
14. Гонения на раскол в Западной Сибири // Неделя. — 1878. — №38.
15. ГАТО. — Ф. 170. — Оп. 2. — Д. 55.
16. Ильин В.Н. Антистарообрядческая политико-правовая парадигма Российской империи // Religion — Science — Society: Problems and Prospects of Interaction : Materials of the VI International Scientific Conference on November 1–2, 2016. — Prague, 2016.